

Обжигающая правда о мирных жертвах войны

Пришла огненная беда

Ярким и по-своему уникальным явлением в современной российской литературе стало художественно-документальное направление в творчестве поэтов, писателей и публицистов, связанное с очень болезненной, как давно незаживающая кровотокающая и саднящая рана, темой — о мучениках сурового лихолетья войны: заживо сожжённых фашистами мирных жителях оккупированных территорий РСФСР. К огромному сожалению, этот скорбный пласт в хронике невыразимых массовых бедствий, выпавших во время Великой Отечественной на долю нашего миролюбивого, стойкого, мужественного и самоотверженного народа, почему-то в течение десятилетий оказался фактически вне поля зрения исследователей событий военного времени века двадцатого. Века грозного, горячего и горького...

И надо низко поклониться нынешним литераторам, которые по сути подали пример отечественной исторической науке — они и в своих произведениях, а также и на различных гражданственно-творческих акциях стремятся донести до общества поистине обжигающую правду о мирных жертвах войны.

Уцелевшие во время массового сожжения в деревне Новое

АПОСТОЛ ПАМЯТИ

Прежде всего, надо отметить, что у истоков этого благородного литературно-общественного движения, а по сути — народной инициативы, стоит член Союза писателей СССР и Союза писателей России Владимир Фомичёв. Сын погибшего в сорок третьем фронтовика, он — уроженец Смоленской земли — принадлежит к хлебнувшему лиха поколению детей войны и считает своим нравственным долгом всецело служить «огненной теме», чтобы и потомки ведали про «боль тех давних годин».

Широкое признание получило подвижничество Владимира Тимофеевича, связанное с увековечением памяти о мирных жителях, которые были казнены с изощрённым садизмом оккупантами-выродками.

Из очерка члена СП России Григория Калужного «Апостол памяти»:

«24 мая [...] 2017 года поэту, прозаику, литературному критику и публицисту Владимиру Тимофеевичу Фомичёву исполнилось 80 лет. Одновременно с этим истекло пятидесятилетие, на протяжении которого он проявил себя как доблестный подвижник в деле воскрешения и сохранения памяти о зверствах фашистов на оккупированных ими территориях 18-ти российских областей [регионов]...»

О чудовищной массовости Хатыней говорит тот факт, что только на одной Смоленщине, по официальным теперь данным, фашисты сожгли дотла более пяти тысяч сёл и деревень, причём около трёхсот из них вместе с детьми, женщинами и стариками. Всего на Смоленщине фашистами и их пособниками было загублено не менее 550-ти тысяч мирных жителей. Родившийся в смоленской деревне Желтоухи во Входском (ныне — Угранский) районе шестилетний Володя Фомичёв стал свидетелем «огненного марта», когда на протяжении едва ли не всего месяца ночное небо озарялось заревами полыхающих вокруг сёл и деревень. Наконец, запылали избы и его деревни, а в последнюю, самую большую, немцы согнали всех жителей, включая и его мать Аксинью Ивановну Фомичёву с четырьмя детьми, и тоже подожгли. Через минуту, после того как последние люди выскочили из объята пламенем избы, крыша её рухнула.

Горящую по соседству деревню Борьба [Новое] освобождали красноармейцы воинской части № 95852, но в ней уцелело всего 7 жителей, которые и подписали положенный при этом «Акт об освобождении...». Такие акты эпизодически печатались по горячим следам. Однако в советское время реальный объём изуверских преступлений фашистов замалчивался, а публикация подобных актов вообще не допускалась по политическим мотивам [...]. И всё же в газете «Красное знамя» [являлась печатным органом Ферзиковского района Калужской области] в № 57 от 14.05.1966 года Фомичёву удалось опубликовать стихотворение «Страх», в коем оглашалась эта горестная тема с той силой, которая даётся только тем, кто вернулся с того света. Вот [заключительные] строки этого стихотворения:

**О, студовый непролазный страх
В забранных человеческих глазах!
Будь вечно проклят дьяволов набег —
Твоя геенна, чистый человек.**

После этой публикации Владимира Фомичёва, бывшего в то время директором шко-

Владимир Фомичёв в деревне Борьба Угранского района

лы-интерната в деревне Некрасово близ знаменитой Тарусы, обвинили в идеологической диверсии и т.д. Но он, крещённый пламенем «огненного марта» 1943 года, как истинный апостол памяти, воскресил её на всех путях своей подвижнической жизни...».

Вспоминая о том пережитом им кошмаре, Владимир Тимофеевич поясняет в одном из своих очерков:

«...Как заколотилось сердце, когда запылаха своя кровля. Селение сгорело дотла, кроме трёх расчётливо оставленных изб: в середине и по краям кладбища нашего соснового жилища. Объявив, что всех до единого сожгут, загнали старых и малых в одну избу, но затем, изуверски испытав жутью, всё же выпустили и запалили хату. Видно, продлили садистское удовольствие, хотели извести бедных сельчан до смерти страхом. Операцию один к одному повторили в следующей оставленной избе. Не удовлетворившись этим устрашением, кровавые чудовища в конце концов уже в единственно сохранившемся пока доме заставили всех нас дожидаться смерти примерно шесть часов. Двери его заколотили, у каждого окна выставили по автоматчику, готовя жестокую казнь. Эту избу подпалили вместе с нами, а потом, когда красный дракон ринулся на подготовившихся к кончине, внезапно открыли дверь, через которую мы все хлынули на волю.

Никто до сих пор не знает истинной причины тогдашнего «милосердия» фашистских гадов [...]. Теперь, спустя многие годы, зрело размышляя, я пришёл к твёрдому убеждению, что наши палачи в последний момент испугались возможной конкретной мести красноармейцев, которые уже наступали им на пятки...».

ПОЛЕ ЗАЖИВО СОЖЖЁННЫХ

Отдадим должное Владимиру Тимофеевичу, который в свою книгу «Поле заживо сожжённых» (вышла двумя изданиями в 2009 и 2010 годах в Москве) поместил подготовленную в соавторстве с уроженцем Смоленщины Виктором Мушенковым «к 65-летию замолчанной огненной трагедии» быль-обличение «Угранская Хатынь» (Рассказ бывшего смертника):

«Этого свидетельства могло и не быть, но...»

13 марта 1943 года. «В деревне Новое Семлевского района Смоленской области немцы загнали в два дома всех жителей деревни Новое, Ломанчино, Криволевка и заживо со-

жгли. На снимке оставшиеся в живых 7 человек, которым удалось выползти незаметно для немцев. Слева направо: Бычков Александр — 16 лет, Опенкина Акулина — 42 года, Бычкова Акулина и трое ее детей — Петя 5 лет, Миша 13 лет и Сережа 10 лет. Крайняя справа Нестерова Мария 67 лет...» — (Красноармейская газета «На штурм врага». Март 1943 г.).

По свидетельству документов в деревне Новое (в послевоенное время за ней закрепилось название Борьба) ныне Угранского района Смоленской области отступающие фашисты превратили в пепел 287 наших земляков (это почти в два раза больше, чем в белорусской Хатыни). [По уточнённым данным, в указанной деревне мученической смертью погибли 340 мирных деревенских жителей.]

Из семерых спасшихся шестеро уже умерли, ныне здравствует только один из них — Пётр Афанасьевич Бычков. Он сегодня единственный свидетель и очевидец этого преступления фашистов в отношении мирного населения на Смоленщине. [...]

Мы знаем, что нашему герою трудно возвращаться к испытаниям того страшного 13 марта 1943 года. Но, несмотря на это, памятуя о важности для истории свидетельства очевидца, мы решились просить его рассказать о своей жизни.

Пётр Афанасьевич БЫЧКОВ:

— Родился 30 мая 1939 года, был в семье поскребышем [последним ребёнком]. Родители — крестьяне деревни Новое. Отец с Финской — на Великую Отечественную, в 43-м погиб под Ленинградом.

В [нашей] избе находилось восемь человек...

Осенью 41-го сидел на лавке у окна. Увидел: лошади проехали, мотоцикл... Мама сказала: «Это немцы»...

...Самым страшным стал март 43-го, когда немцы начали отступать. По всей округе объявили, что будут давать продукты. Собрали и малого, и старого [и мал, и стар] в деревне Новое (Борьба). Здесь также оказались гришинские, шумаевские, ломанчинские, криволевские, фёдоровские, с Ельни два человека. Находились наши раненые солдаты, которые прятались на чердаках...

Пётр Бычков выступает на «круглом столе» в СП России

Всё ходячее население построили в шеренгу по четыре человека и погнали протоптывать дорогу до деревни Гришино. Её сожгли полностью и всех пригнали под охраной обратно. А те, кто не мог идти, старые да малые, находились в деревне Новое в огороже — колючая проволока [была натянута] в два ряда. Их охраняли часовые. Окна забили, стены обложили соломой. Тех [сельчан], которые протоптывали дорогу, тоже загнали в эту хату и никого не выпускали.

Примерно часов в шесть подожгли. Мы всей семьёй стояли около двери с солдатами, которые хоронились у нас. Часть дома, покрытая соломой, являлась жилой. А во второй не было потолка и пола, что нас и спасло. Когда подожгли, люди напирала на окна, на двери и попадали под автоматные и пулёмётные очереди.

Двери выбили, колючая проволока наклонилась от натиска толпы. Солдаты сказали: «Первого часового сбиваем...». В это замешательство и под покровом дыма через второй ряд колючей проволоки солдаты хватили кто был под рукой и кидали через проволоку, в снег. Это произошло, когда отвлекся часовой, а, может, [его] сбили солдаты. Спаслись от огня многие, но их догоняли и расстреливали, а мы первые по дыму ушли.

Затем сидели под дубом, пока совсем стемнело. Немцы стали стрелять в нашу сторону с [из] миномёта. Мать испугалась за наши жизни, всех увела в лощину, подальше в лес. А потом мина попала под дуб, где мы [до этого] прятались, и вывернула его с корнем.

Ночевали в дяди Гришином лесу (Григорий — дядька наш), сидели в лапнике, сбившись в кучу. Нам были слышны крики, стоны, вопли, плач. Они слышались в округе за десять километров.

Рано утром раздался голоса женщин со стороны дороги Дуденки — Фёдоровское. Мать вышла из укрытия, увидела также и на лыжах, в белых халатах наших разведчиков. Узнав её, женщины позвали посмотреть, нет ли живых на пожарище. Они же первыми сообщили разведчикам, что нам удалось избежать сожжения.

Пришли на страшное место (выделено мной. — А.Т.). Живых нет никого. На снегу лежат убитые. В первой половине [сгоревшего дома], где были пол и потолок, узнать кого-либо было невозможно. А во второй — у кого были обгоревшие ноги, руки, голова... А чтобы их было не узнать или чтобы они больше сгорели, немцы пособирали [собрали] в деревне повозки, сани, кадушки, солому и положили на людей, запалив всё это [палаческое кострище]. Одна застреленная женщина лежала недалеко от дома, штыками [у неё] были исторканы лицо и грудь.

В Бордюковом дворике живём бросили семью в колодец.

Вскоре тут проходила фронтальная воинская часть, наши солдаты увидели зверства немцев, сделали снимки, написали о происшедшем в своей газете. Ушедших до срока из жизни похоронили в двенадцати братских могилах. Местные жители установили временное надгробие, ухаживали за погребениями...

Когда мы убежали, меня ранило осколком в ногу, шрам виден и сейчас. Также была сломана левая ключица. А когда угоняли сестёр [Нину и Надю] в Германию, я стал заступаться, немец ударил меня головой о кованный сундук. Он разбил мне темя, вмятина тоже сохраняется до сих пор.

(Продолжение следует.)

Александр ТАРАСОВ,
фото автора и из архива
Владимира ФОМИЧЁВА